

Авморцаг

АВТОГРАФ

Поэтический журнал

3

Вологда
1998

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	
О.Кузнецова, А Русанов и другие	5
АВТОГРАФ	
Юрий Максин	11
ИЗБРАННОЕ	
Виталий Серков	13
Василий Мишенев	14
СПЕЦВЫПУСК	
В мире Рубцова	
А.Домашев, С.Вакомин и др.	17
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Андрей Смолин	27
А.Дубинин о Яшине	28
Над сумраком земли	30
Полный реестр...	32
Книжная полка	34
ГОСТИ НОМЕРА	
Андрей Петухов	35
Александр Сухарев	36
«Вологжане улыбаются»	37
ЧТОБЫ ПОМНИЛИ	
Михаил Жаравин	38
Владимир Борисов	39
КОРОТКАЯ ПРОЗА	
Владимир Смирнов	40
ГРАФИКА	
Дмитрий Капустин	43
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Книжные знаки вологжан	46

В оформлении номера использованы работы Леонида Хижинского.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной номер “Автографа” получился как бы с небольшим ленинградским, питерским акцентом. Воспоминания А. Домашева, стихи И. Моисеевой, А. Петухова, С. Вакомина и некоторые другие страницы журнала так или иначе связаны с Питером. Поэтому, кстати, в качестве иллюстраций мы использовали прекрасные гравюры известного художника Леонида Хижинского. Многие его работы родились в городе на Неве и запечатлели этот славный город. Череповецкий художник Дмитрий Капустин учился в Питере, и на него город тоже повлиял.

Несколько слов о других авторах нашего журнала. Вера Капустина живет в Грязовце. Виталий Серков сейчас далеко от родных вологодских мест, Александр Русанов, К.С., Николай Бушенев, Александр Кругликов - череповчане. Автор пьесы для чтения Владимир Смирнов живет в Устюжне.

Такого известного автора, как Василий Мишенев, мы решили особо не представлять, просто публикуем его стихи, большую подборку.

Сегодня “Автограф” читают не только в Вологде и Череповце, но и в Москве, Петербурге, Устюжне и других городах. Поэтому и по содержанию нам приходится постепенно расширять географию журнала.

Редакция

Ирина МОИСЕЕВА

Как мы рады, что мы еще живы!
Что мы вышли
на Невский проспект!
Что рассыпались синие сливы!
Что порвался бумажный пакет!
Что блестящее чувство свободы
Не обманет уже никого.
Что прошли наши лучшие годы,
Что не помним о них ничего.

Юрий МАКСИН

В прошлом нет запасных вариантов.
И на хрупкие души юнцов,
как на плечи гигантов-атлантов,
опустилось наследство отцов.

Время веры ушло безвозвратно.
Бьются души, как рыбы об лед.
На священный квадрат аккуратно
опустился чужой самолет.

Урожай - на одни анекдоты.
Горек смех. Липок хлеб задарма.
Заполняются сердца пустоты
бесполезным избытком ума.

Сила сгинула в страшные годы
без вины,
на войне,
без войны.
Оскудели народом народы
в перекройках чиновной страны.

Как немного дающих осталось.
Нелегко отбиваться от жал.
Со свободы добро начиналось,
только кто ж ее даром давал?

Александр ДУБИНИН

СОСЕД

Сосед пришел. Уснул, как мертвый.
Дверь выставлена в коридор.
И перегар, и воздух спертый.
Порог высокий. Снежный двор.

Кинозвезда. Еще картинки.
Невеста. Радио. Портвейн.
И свадьба будет, как поминки.
И разойдутся насовсем?

Назавтра будут уговоры
и распаленные мечты,
и две подружки в коридоре,
и в банке свежие цветы.

И не понять, какое горе
заставит пить его опять.
Но будет дверь их на запоре
и будет радио орать.

Вера КАПУСТИНА

СУЖЕНОМУ

Вот снова болен вечер
Внезапною тоской.
Скажу, завоюет ветер
Моей строкой.

У счастья и у горя
Одна стезя.
Я плачу в коридоре.
А что, нельзя?

Где суженый, где ряженный,
Где ясный мой?
Судьбу навеки свяжем мы
Моей строкой.

Александр ЛОМКОВСКИЙ

Желаний нить уходит в никуда,
В ничто уходят думы и сомненья,
Рябит под ветром темная вода,
Не принося душе успокоенья.
Песчаный плес на тихом берегу,
И поплавок уносит под корягу,
Вот так и жизнь моя - вся на бегу,
Уносится стремительным зигзагом.
Река поймает блеклый желтый лист
И тащит вниз, крутя в водовороте:
Вдруг выбросит на камни
в пене брызг
Или оставит гнить
в подводном гроте.

Как хочется душевного тепла!
Прийти домой к борщу
или котлетам,
Чтоб жизни даль всегда была светла,
Чтоб спать ночами, не ища ответов,
Не маяться с окурком в темноте,
Не слушать тишину
в пустой квартире,
Не видеть, как за окнами метель
Гуляет ночью в опустевшем мире.
Как хочется, чтобы, придя домой,
Обвили шею детские ручонки
Как хочется, чтоб летом и зимой
Шли в гости к нам
мальчишки и девчонки!

Но жизнь уныла, жизнь берет свое,
И я один остался волей рока,
И колется сквозь тапочки жнивье,
Когда иду с рыбалки одиноко.
Иду по полю, между серых скирд,
Взлетает с хриплым карканьем
ворона -
Какой большой и серый этот мир! -
Ворона смотрит с ветки удивленно.
Желаний нить сплетается в клубок,
В один клубок,
где думы и сомненья, -
Вопрос, что я задал судьбе, - глубок
И не несет душе успокоенья...

Ольга КУЗНЕЦОВА

Ты мне говоришь:
- Предначертано свыше...
А я и не слышу, а я и не слышу.
Ты чертишь созвездья
на серой бумаге,
И машешь линейкой -
подобием шпаги,
Твердишь про удачу,
любовь и измену,
пророчишь несчастье
и мест перемену.
За давнюю трусость предвидишь
расплату,
Что будет поездка к отцу
или брату.
"Сопернице - быть", ах, какие слова,
Кружится и кружится, ох, голова.
Паденье, как взлет,
и взлет, как паденье,
И новое, звучное стихотворенье -
Все это моей называешь судьбою,
А я лишь смеюсь,
да люблюсь тобою.

Николай БУШЕНЕВ

Жить несладко. Ошибки да беды.
Все же высшая сила права.
Чтоб из мрака, из боли, из бреда
Прорастали слова, как трава.

Что ж тут маяться: надо - не надо.
Если плачется мне, то пою.
Устояв перед муками ада,
И в покое, в раю, устою.

Но в плену благодатного рая
Встрепенется, занует душа...
Телом в пламени адском сгорая,
Крепну духом. И жизнь - хороша!

Полина РОЖНОВА

Батюшка мой белый свет!
Матушка моя Вологодчина!
Над землей - черемухи ветвь.
В притолоке луна отточена.

Речкой Лежей намыта ярь чистая,
и одета я в платье из ситца.
Вологодская речь небыстрая
к моей доченьке прилучится.

Матушка моя Вологодчина,
я у русской печи стою.
Я в пылу обожгла дочерна
сердцевину свою.

Окрестив спорынью моих лет,
веру дайте, что жизнь не окончена,
батюшка мой белый свет,
матушка моя Вологодчина!

Елена ФУРМАН

Стихами так легко дышать.
С изрядной долей постоянства
Вдыхаю их, чтоб жить опять
Средь безвоздушного пространства.
Дышу вздохом, дышу, спеша
Уйти от времени теченья,
И улетает ввысь душа
На крыльях духа вдохновенья.
Все - вдох, дыхание, душа.
Все - стих, стихия, стихший возглас.
Стихами так легко дышать,
Постигнуть их - совсем непросто.
Я постижению учусь,
Но только все же мир наш бранный
Я не покину, не умчусь,
Сменив на вечный блеск Вселенной.
Стихами так легко дышать,
Но тем стремление сильнее
Сейчас помочь другим летать,
Тем, кто не дышит - не умеет.
И пусть победа - далеко,
И пусть не все поймут сначала:
Дышать стихами так легко,
Когда душа твоя летает!

Александр ПОШЕХОНОВ

Когда уснет последний кустик,
Последний звук ночных дорог,
Усну и я в своем жилище,
Перекрестившись: "С нами Бог!.."

Когда взъярится свет небесный,
И загорланит воронья,
Я поклонюсь земле и Богу
За пробуждение свое.

Когда же время горевое
И мне прикажет в землю лечь,
Я попрошу народ и Бога
Отчизну милую беречь.

Александр ШВЕЦОВ

Русь моя - извечная кручина.
Дым словесный застилает свет.
Вот и фраза "Русская община"
подана на блюдечке газет.

И ведь знаю, этот миф привьется.
Не заметишь, как настанет миг:
светлым утром глянешь из оконца
в совершенно незнакомый мир...

Мне бы жизнь свою
дожить достойно -
не продаться бы и не сробеть.
И Москвой своей первопрестольной
по-сыновьи мучиться и впредь.

Да сынка бы вырастить мужчиной.
И на протяжении веков
оставаться с Русскою общиной
в мировом смещенье языков.

Александр КРУГЛИКОВ

Не горюй, приятель, шибко,
Горе пусть и велико.
Восприми свою ошибку,
Как ожог о молоко.

Полосата, как тельняшка,
Жизнь в течении своем.
Выпьем водки по стакашку,
Коркой хлеба зажуем.

Повторили, закусили.
А теперь сплясать не грех.
Жизнь прекрасна!
А в России,
Вообще, прекрасней всех...

Валерий ГОСТИНЩИКОВ

В КИРИЛЛОВЕ

Высоко надо мной,
Над родимой сторонешкой милой
Облака, словно кони с распушенной
гривой,
Надо мной,
Над скорбящей плакучею ивой
Все плывут.
Я приехал домой,
Здесь всегда меня ждут,
И настрой тут иной,
Тут и мысли иначе текут:
Для души здесь уют и покой,
Тут Предтечи последний приют...

Наталья СИДОРОВА

Что-то станется, сбудется с нами!
Отчего потемнело кругом
И рябина, бледнея цветами,
Покачнулася под нашим окном?
Неулавшего ливня тревога,
Как предчувствие первой слезы.
Словно замерли мы у порога,
Услыдав приближенье грозы.
Налетит, опрокинет, нарушит?
Что останется после нее?
Очишьем спасенные души
Или мрак пустоты, забытье?

Ольга ЧЕРНОРИЦКАЯ

Дурные идеи, бессонные ночи,
Тревожные сны.
А утром не вспомнить -
Не можешь, не хочешь.
И верно - дурны.

Забуть и не думать.
Но снова под вечер
Идея придет
Безумная с виду,
Но манит, щебечет,
К разгадке зовет.

Разгадки не будет.
Ведьмачье
Кружится веретено.
По адскому кругу
Мне черною птицей
Лететь суждено

Антонина КАЮТИНА

От зубастой серой шуки,
От унынья этой скуки,
От бумажных ворохов,
От назойливых звонков,
От плаксивого ненастья
Серый волк зеленой масти
Под прозваньем тепловоз
На спине меня увез.
По пятам погоня скачет:
Прыткий дождь на мокрой кляче,
Свора вылощенных дач,
Кособокий стог-лихач,
Сети липкой паутины
Да зыбучие трясины.
Серый волк неутомим,
От погони убежим.

Вячеслав АГАПИТОВ

Этим берегом лето приходит,
Легкокрылые светлые дни.
А зимою все здесь запылит,
Вечерами зажгутся огни.

Только мало осталось в округе
Этих сырых в окошках огней.
Я один. Я мечтаю о друге.
Стынет берег в плену у ночей.

Может, что-то случится весною.
Стает снег, распогодится даль.
Но проходят года чередую,
Мне по-прежнему берега жаль.

Нинель СТАРИЧКОВА

ПРОЩАЛЬНЫЙ КОСТЕР

Давайте устроим прощанье
В притихшем осеннем лесу.
Давайте продолжим молчанье.
Я веток сухих принесу.

Разложим костер на поляне.
Ладони приблизим к огню.
Легко, без особых стараний
Долушаем думу одну.

Горящие ветки погаснут.
А холод заставит дрожать...
Опавшей листвою напрасно
Пытаться огонь удержать.

Автограф

* * *

Разлука смешалась с французей.

Смешают
с твоей стороной.

И мы не сумеем проститьвар
теперь до скончания веков.

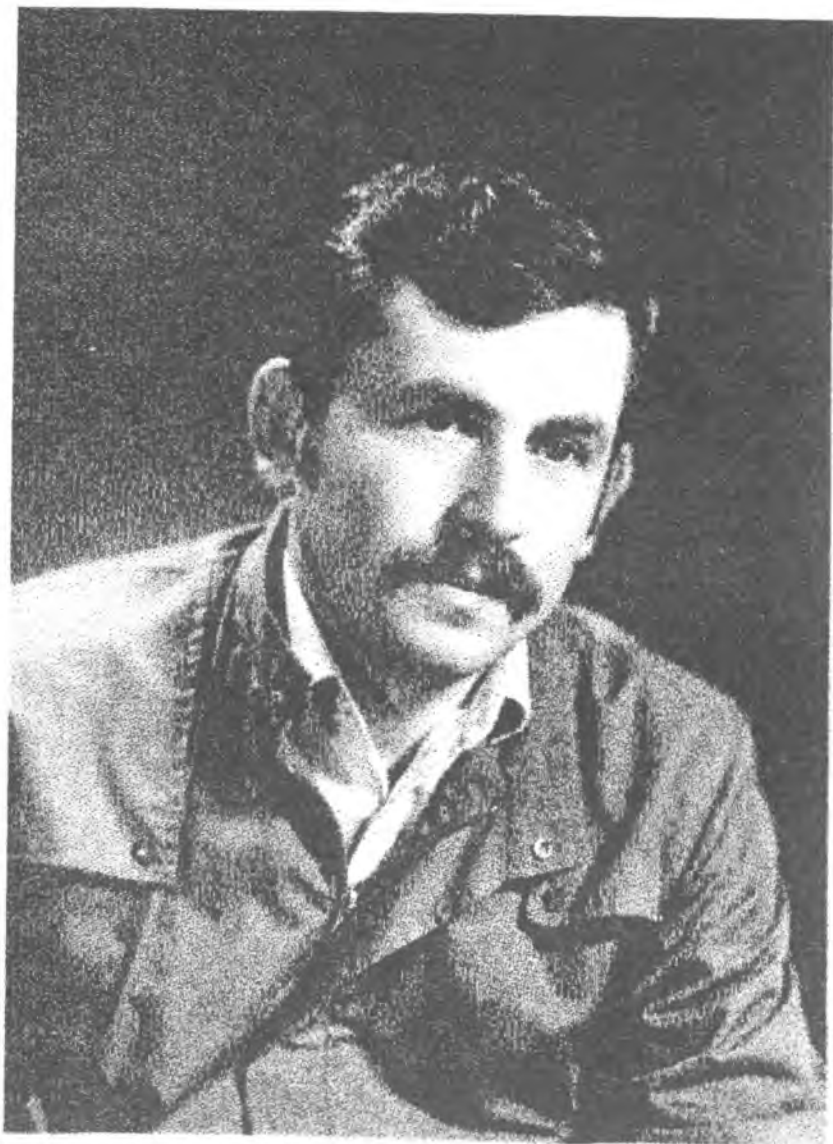
И вовсе не шум
преграда.

Когда-нибудь
воткнуть бой.

Но, видно, всевышнему надо,

чтоб мы
не простимся
с тобой.

Иван Кавказ

Виталий Серков

Виталий СЕРКОВ

Светлой птицей уносятся вдаль
Встречи, взгляды и первые вздохи,
Оставляя одну лишь печаль -
Эту злую примету эпохи.

Еще кажется: помню людей.
С тем - работал, а с этим - учился.
Всех кипением лживых идей
Разнесло, будто сон приключился.

И становится память мутней.
В лик единый сливаются лица.
Под покровом неясных теней
Разум силится с памятью слиться.

И контакт происходит в мозгу.
Блики молний судьбу освещают.
И по ним я обратно бегу.
Встретить мертвых уже не могу,
А живые меня не прощают...

ПЕСНЯ О ЗВЕЗДАХ

Опустятся сумерки тихо с небес,
Спеша над землею разлиться, -
В глубинах души просыпается бес,
Волнуется там и резвится.

Глаза обращаю опять к небесам,
Веснушки считаю в созвездьях.
А, может быть,
стану звездой я сам,
Напишут об этом в "Известиях"?

Великая тайна минувших веков
На звездных ресницах тается.

Детей, и мужей,
и больных стариков
К ним снова повернуты лица.

Звезда! Нам не плохо с тобою
двоим!
Пусть свет твой подольше не тает!
На грешной земле под мерцаньем
твоим
Мне места уже не хватает.

Сгорю в огне случайной страсти,
Рассеюсь дымкой в небесах -
Такие страшные напасти
Бывают только в чудесах.

Я пронесу огонь свой тайно.
Да пусть Вас Бог уберезет!
Но Вашу душу не случайно
Мой пепел после обожжет.

Вы не сгорите, но ожоги
Вас будут медленно терзать.
Душа - не руки и не ноги,
Ее нельзя перевязать.

О, душа, угомони рассудок,
В вечный космос выйти помоги.
Чтоб я мог в любое время суток
Видеть свет отеческих могил.

Тесно мне
в рассудочном пространстве.
Боль течет, как деготь с бересты.

Повидал я
вдоль дороги странствий
Русские могилы и кресты!

Отойду немного от деревни
И опять наткнусь на бугорок.
Сколько их –
сегодняшних и древних -
У церквей, на взгорках, у дорог!

Там кресты поваленные жутки,
Тянутся руками: помощи!
Все тесней меж ними промежутки,
Глуше все нечастые шаги...

Василий МИШЕНЕВ

Знакомый путь. Деревня. Поле.
По краю поля - ряд берез.
Места - знакомые до боли!
Места - любимые до слез!

Рассвет легко раздвинет дали,
И солнца свет - навстречу мне,
Но невозможно без печали
Прожить в родимой стороне!

Земле на верность присягая,
В грудь принародно не стучу,
И видя день родного края,
С зубами сжатыми молчу!

Нет! Я не рушил колоколен,
Не мылил ночью убивать,
Но сын не может быть спокоен,
Когда больна жестоко мать!

Когда обманут и унижен
Его доверчивый народ,
И надвигается все ближе
Скрытый в мраке поворот!

Что делать? Вечные вопросы
Лежат камнями на пути,
Их мне сегодня не отбросить
И стороной не обойти!

И не изжить в душе тревоги
За свой многострадальный край...
Не нами выбраны дороги,
Но снова обещают рай!..

БЕЛЫЕ НОЧИ

Александр Романову

Есть у природы срок чудесный...
Ты счастлив выпавшей судьбой,
Когда струится свет небесный
Перед тобой и над тобой!

И этот воздух невесомый
Уже готов застеклеть,
Чтоб в тихий час ни насекомым,
Ни самолету не взлететь!

Один лишь звук побеспокоит,
Когда несмело отрясут
В загоне дремлющие кони
С копыт холодную росу!

И вновь душою осторожной,
Еще блуждающей в дыму,
Понять все чувства невозможно:
Так много счастья одному!

ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ

Студеный вечер
Зажег звезду...
Не жду я встречи,
Друзей не жду!
Сию, скупая,
В родном доме,

Тремя свечами
Раздвинув тьму.
У окон самых
Мелькнул огонь,
Промчались сани,
Протопал конь,
Чуть скрипнул полоз
И в тот же миг
Раздался голос
И чей-то крик!
Прошли по краю,
Я замер весь
И ожидаю
Дурную весть!
Снимая с грустью
Нагар со свеч,
Зачем боюсь я
Возможных встреч?
Вон светят окна,
Огни горят...
Пойти б я мог, но
Кто будет рад?
Там, верно, тоже
Среди огней
Не ждут прохожих,
Не ждут друзей...

В ИЗБЕ У МАМЫ

На снежных даях –
сугроб к сугробу, -
Следов вчерашних
искать не пробуй!

Студеный ветер летит по весям,
А в сердце звоны забытых песен!

Взгляну в окошко - вокруг белеет,
Я нынче грустью не заболею!

В избе у мамы тепло от печки,
В углу – икона, псалтырь и свечки.

А спросит мама – о чем вздыхаю,
Отвечу тихо: я вспоминаю!

Какие видел здесь раньше лица...
И сладко сердцу!

И вновь не спится!

Волнуют душу бывшие встречи.
Я рад, что долгодне зимы вечер.

И рада мама – глаза спокойны,
Как у святого с ее иконы!..

СЛУЧАЙ В ДОРОГЕ

День осенний порадовал снегом,
Значит, светлая выпадет ночь...
С незнакомым совсем человеком
Мы шагаем от станции прочь.

Тяжелы чемоданы, как гири,
И, согнувшись под ними смешно,
Он подарки несет из Сибири,
Он на родине не был давно.

Как могу, я ему помогаю,
Разговором пытаюсь развлечь.
Хоть деревни его и не знаю, -
Он внимательно слушает речь.

Рассказал я о ней и добавил:
- Ну, а все-таки едешь к кому?
Он на снег чемоданы поставил:
- Не писал я! Не знаю к кому!..

Веселых песен нынче не поют,
Улыбкой не ответят на улыбку,
Откроешь душу –
в душу наплюют...

Как все вокруг и сумрачно,

и зыбко!

Проходит ночь –
и не торопишь ночь:
В грядущий день не верится,
как прежде!
Стремящемся к правде
чем помочь,
Чтоб не убить последнюю
надежду?!

Давно осточертел словесный блуд,
Как будто вой навязчивый,
метельный...
О чем кричат? Куда еще зовут?
Когда стоим
над пропастью смертельной!

Не за себя испытываю страх!
И не пугаю, грозно сдвинув брови!
Но топоры стоят уже у плаха
И слышен страшный запах крови!

Душа устала от дурных вестей!
Душа устала в вечном напряженьи!
Одумайтесь!
Послушайте детей!
Чтоб не пришлось жалеть им
о рожденьи!

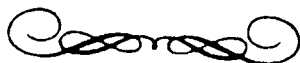
Замрут отдаленные звуки,
До шепота стихнет вода,
И вновь над речною излучкой
Протает ночная звезда!

И вздрогнет душа, откликаясь...
В том тайна какая-то есть!
Которую снова пытаюсь
На небе вечернем прочесть!

И, может, совсем не случайно
Опять прихожу к одному:
Пока не раскрою ту тайну –
Зачем я живу – не пойму!

Просвещение - гордость века,
Но для общего добра
В руки злого человека
Не давай, судьба, пера!..

Я за то, чтоб в мире этом
Был тому доступен лист,
Кто наполнен добрым светом
И душой своею чист!..

В мире Рубцова

Это пятнадцатый выпуск приложения «В мире Рубцова». В последнее время произошло несколько важных событий. В Дзержинске открыли муниципальный музей Николая Рубцова. Большую работу с читателями ведет в Мурманске областная детская библиотека. Здесь, на Севере, много поклонников творчества Рубцова. Интересные статьи публикуют здесь А.Миланов, В.Сорокажердьев, Н.Ефремов, В.Кузнецова и другие.

А мы публикуем сегодня воспоминания о ленинградском периоде жизни поэта.

ВОСПОМИНАНИЯ

ОН ТАК ХОТЕЛ ИМЕТЬ УСПЕХ

*Я так хочу иметь успех,
Я марширую лучше всех!
Н.Рубцов*

В литературном объединении "Нарвская застава" Николай Рубцов появился весной 1960 года, а я пришел туда осенью.

Внешне Рубцов ничем не выделялся среди нас и производил впечатление тихого, даже застенчивого человека. Но он уже знал успех флотского и заводского ЛИТО. Держался достаточно уверенно, может быть, даже независимо, о чем говорило длинное, заматанное вокруг тонкой шеи кашне, которое он не снимал, даже оставаясь без пальто. Горло, наверное, болит - думаешь сначала. Но в последующие встречи понимаешь, что кашне, носимое постоянно, - видимо, важная для Рубцова деталь во внешнем облике поэта. "Коля-шарфик" - кто-то потом назовет его...

Сильными в "Нарвской заставе" тогда считались другие поэты.

Претендовал на лидерство наш суровый староста Юрий Ткачев, рано умерший (в 1963 году), так и не увидевший своей единственной книжечки, изданной после смерти.

Саша Морев - не допускаемый в ЛИТО за скандальное выступление на первом городском турнире поэтов, где он прочел стихи "Рыбий глаз" и "Есенистое".

- Только через мой труп! - кричала при одном упоминании Сашиного имени распорядительница ЛИТО С.С.Голубчик.

Тот же Эдик Шнейдерман, заклинавший джаз не развращать Флейту - девочку из симфонического оркестра.

Николай Ивановский - со своей болью и лагерной темой.

Михаил Коносов, называвший себя "317-м Председателем Земного Шара" и писавший стихи о венгерских событиях: "С горкома скатилась звезда..."

У нас читал рукопись первой книги Саша Кушнер. Не раз появлялся не очень трезвый (или очень нетрезвый) Глеб Горбовский. Жонглировал своим "Словом о полку" Виктор Соснора...

И вот в этой ауре (атмосфере) среди этих людей появился Рубцов. И с чем?

Где-то дети плакали...

Где-то финки звякали...

Эх, сивуха сивая!

Жизнь была... красивая!

(“Праздник в поселке”, 1959).

Она сказала:

- Я не виновата...

Ну да, - сказал я,

- Кто же виноват?

Она сказала:

- Я встречала брата.

- Ха-ха, - сказал я,

- Разве это брат?!

(“Разлад”, 1960)

Тут и безвкусица, и юмор, и что-то талантливо притягательное, и попытка дать жизненно свое... Остроглазая на все талантливое, Н.И.Грудинина сразу поддержала Рубцова, по достоинству оценив его одаренность. Но "Застава" не щадила никого. Доставалось и Рубцову. Его упрекали за традиционность формы, за вторичность (подражательность) тематики. отсутствие поиска и т.д. В общем, не новатор! Ведь это было начало шестидесятых - время евшенковской рифмы, маяковско-рождественско-вознесенских ритмов. Мы пели Окуджаву, всходила звезда Беллы Ахмадулиной, начинал рвать свой парус Высоцкий...

А Рубцов:

Я забыл, как лошадь запрягают,

И хочу ее позапрягать.

Хоть они неопытных лягают

И до смерти могут залягать!

(1960).

Правда, он сам еще не знал своего пути. Казалось, больше всего в стихах ему удавалось пономорить, поерничать где-то на грани фельетона и пародии. Действительно смешно: “чья-то равнобедренная дочка”, “железный Газа” - и плачет!.. И многим такое нравилось. Рубцов понимал это, чувствовал и постоянно пользовался комическим приемом.

Пусть не шокируют кого-то мои предположения, но мне кажется, Рубцов играл роль комика всю жизнь. Прочитайте хотя бы воспоминания однокашников по Литинституту. Каждый обязательно приводит нечто анекдотичное о нем.

Конечно же, критика задевала его за живое, и он менялся. Так, однажды он принес на обсуждение “Звукописные миниатюры”:

*Звон колокольный
и окольный
у окон, около колонн.
Звон колоколен колокольный
и колокольчиковый звон.*

(“Левитан”, 1960).

- Ну, как? - спросила меня, “старого формалиста”, Н.И.Грудинина. - Нравится?

- Ничего, - сдержанно отозвался я. Настораживало уж очень явное упражненчество - “маленькие лили-лилипуты”! Зачем это? А затем, чтобы мускулами поиграть, чтобы доказать: могу, мол, и так! Это уже характер.

Позже в опубликованном письме от 2 июня 1960 года я прочел: “хочется кому-то чего-то доказать, а что доказывать и кому доказывать - не знаю”, - писал он другу.

Мне кажется, объяснение его поэзии надо искать в его биографии, в его происхождении. И тогда многое встанет на место. Житейская обездоленность, сиротство, детский дом. Отсюда закрытость характера, вечная борьба одинокого человека за выживание. Вечная нужда в друге, в дружеской поддержке. Но друзей мало, либо они далеко. Чаше натыкаешься на обман (обманом оказалась и последняя женщина-убийца)...

Поэтому раскрывался либо листу бумаги (стихи, письма), либо, расслабившись, - за дружеским, не случайным стаканом; а за случайным (не дружеским) стаканом - дистанцировался ерничаньем и хохмами (своими испытанными приемами), не каждому - вход в душу поэта!

А душа у него - ранимая. Жил он тихо, но амбиции, крестьянское упорство (упрямство?) глубоко сидели в нем. Кроме того, надо помнить, что в душе-то он - человек деревни. Все самое светлое: семья, детство, родина - связано с оставленной деревней, с покинутой природой. Там его истоки. Там он был счастлив. А город он познавал вынужденно, как бы с “черного хода”: с поселков (Невская Дубровка, Приютино), пригородов, рабочих окраин и общежитий с их загулами, пьяной матерщиной и даже поножовщиной. Что он еще увидел в городе? Спину железного Газа? Трущобный двор? А почему не

Медного всадника? Почему не широкую царственную Неву за окнами Эрмитажа?..

Назовете хоть одно мажорное стихотворение Рубцова о городе? Нет такого стихотворения. И не потому, что Рубцов - грустный поэт, а потому, что город темен для Рубцова. Светлое - это деревня.

Отсюда стремление сберечь, сохранить, перенести деревенские навыки и опыт в городские условия, на городскую почву. Отсюда ерничанье (проявление крестьянского высокомерия) по отношению к городу и поэтизация всего деревенского. Пренебрежение внешним (консерватизм формы?) в стихах и в жизни. И преклонение перед внутренним, как ему казалось, - сущным.

И вот эта ностальгическая деревенская нота в сочетании с неприятием, неприятностью, с еще большей неустроенностью в городе и высекают ту песню, которую пытается спеть Рубцов. Отсюда первоначальная вторичность ранних стихов. Свое - только в ерничаньи.

А в "Заставе" - другая, городская эстетика, другие кумиры. Даже те, к кому он тянется всей душой, - другие: Горшков ("болты болтали без умолка"), Глеб ("лежу на нарах, как король на именинах", "бьешься ты, как рыбка-килечка об лед")... И Рубцов бьется между ними, пытаюсь писать (читать - жить) и так и этак... Интересуется Моревым, Бродским. Это все попытки вкусить другой культуры, другой эстетики... Не избежал он и подсознательного влияния сильных личностей: Морева ("Стукнешь по карману - не звенит"), Горбовского ("Внимательно ем молодой организм какой-то копченой рыбешки"), Бродского ("Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны").

Но это не главное. Мы все учились друг у друга. Главное, что он смог, сумел стать (или остаться?) самим собой. И не крестьянский ли консерватизм, не крестьянское ли упорство помогли ему в этом?..

К длинному перечню упоминаемых мемуаристами поэтов, которыми интересовался Рубцов, я могу добавить еще одно имя.

Однажды на занятии Рубцов увидел, как мне под столом возвратили пачку стихов. Это была машинописная копия трех сборников запрещенного тогда Николая Гумилева: "Романтические цветы", "Огненный столп", и "К синей звезде". Машинистка перепечатала их мне по два рубля за книгу. И вот эти копии больше ходили по рукам приятелей, чем лежали у меня дома.

- Что это? - почувствовав "запретный плод", заинтересовался Рубцов.

- Гумилев.

Рубцов так и загорелся:

- Дай почитать!

Признаюсь, отдавая тогда Рубцову стихи, я подумал: "И зачем ему Гумилев?"

Наверное, через неделю Рубцов возвратил мне Гумилева и ничего, кроме вежливого "спасибо", не сказал. "Так и должно быть, - решил я. - Гумилев - не его поэт". А из ровно сложенной машинописной пачки углом торчал какой-то короткий листок. Я потянул его - наверное, Коля что-то забыл между страниц - и увидел, что это оторванная часть титульного листа "Огненного

столпа"! - Извини, это я оторвал. Бумаги не было под рукой, виновато сказал Рубцов. Я огорчился, но простил, вспомнив его быт, общагу и прочее...

“Нарвская застава” - хорошая школа, я бы сказал - литературная академия, в которой Рубцов учился многому и у многих. Об этом ленинградском периоде в творческой биографии Рубцова говорят мало. Повсюду пишут о московском и вологодском влиянии на формирование Рубцова как поэта. Именно в “Нарвской заставе” Рубцов начал формироваться в того Рубцова, каким он предстал в Москве и в Вологде.

Достаточно посмотреть в хронологии его практигу “Волны и скалы”. Если в “Заставу” он пришел с множеством слабых стихов, то покидал ее и Ленинград со стихотворением “Поэту”, с которого, по-моему, и начинается большой поэт Николай Рубцов. “Поэту” - одно из самых петербургских стихотворений Рубцова в книге “Волны и скалы”. Под ним и еще под двумя (“Долина детства”, “На строевом смотре”) - одна и та же дата - 9 июля 1962 года, самая поздняя в книге.

Тем летом я еще пару раз встречался с ним у Бориса Тайгина, который одновременно со сборником Рубцова выпускал и мою первую книжку лирики.

С книгой “Волны и скалы” Рубцов уехал в Москву и неожиданно поступил в Литинститут - в это наглухо, на все пуговицы застегнутое учебное заведение. Больше я с Николаем не встречался.

Ну, а что касается той машинописной копии Гумилева, то стихи эти хранятся у меня до сих пор. Я только сшил их (уже после смерти Рубцова) в одну книжку и, не заменяя, оставил среди страниц тот оторванный рубцовой рукою лист.

*Анатолий ДОМАШЁВ
С.-Петербург.*

МНЕНИЯ

«У меня на столе раскрыта потрясающая книжка. В петербургском «Новом журнале» опубликована «Повесть о первой любви» Романа Кумова – писателя, умершего в 1919 году в Новочеркасске от тифа. В России она напечатана впервые. Если собрать все его творчество (а оно находится в разных местах, порой буквально вырыто из земли в какой-то казачьей станице), то наберется на десять томов. Я позвонил на наше радио и предложил им прочитать эту повесть. Они согласились. Скоро у меня будет запись.»

Игорь ДМИТРИЕВ «Книжное обозрение»

БУРАТИНО

Московский поэт Владимир Соколов иногда называл Николая Рубцова "вологодским Буратино", из-за длинного Колиного носа.

Надо сказать, что поэты были хорошо знакомы. У Соколова (а он старше Рубцова на восемь лет) уже было стихотворение "Звезда полей". Конечно, он не первым из поэтов использовал этот образ, но все же Соколова задело, что свою книгу Рубцов назвал именно так - "Звезда полей" и что эта книга прославилась "Буратино".

У Рубцова стихотворение "Звезда полей", написанное, как отклик на соколовское, естественно имело сначала посвящение - "Владимиру Соколову". Но позднее посвящение исчезло. Возможно, Рубцов сам снял его, поругавшись с Соколовым. Рубцов называл его "дачным поэтом", - на мой взгляд, совершенно справедливо. Вот это, вероятно, больше всего и обидело Владимира Соколова. Ну как же: какой-то молодой провинциал, пусть и талантливый, смеет так говорить о нем, уже признанном московском поэте!..

Прожил Соколов долго. Но обиду не простил - в своих многочисленных интервью и публичных выступлениях почти никогда не вспоминал Рубцова. А зря. История все поставила на свои места - оказалось, что именно Николай Рубцов нашел золотой ключик поэзии.

Вячеслав БЕЛКОВ

Мнения

В антологии Евтушенко "...прекрасному поэту Николаю Рубцову не суждено было попасть даже в первую сотню лучших поэтов. Ему составитель выделил в пять раз меньше места, чем себе. По скромности, конечно.

Даже классическому стихотворению Рубцова "Видения на холме" со знаменитыми строками "Россия, Русь! Храни себя, храни!" не нашлось места.

Зато стихам Т.Кибирова "Русская песня" - нашлось. В них, как уверяет составитель, Кибиров, "казалось бы, насмехается надо всем святым - в том числе и над Родиной".

Да не "казалось бы", а на самом деле насмехается. Издевается и над "Словом о полку Игореве", и над Лесковым, и над Блоком, и над Смеляковым.

Этот слабый стихотворец и не способен создать ничего своего. Он может только, как дрозд-пересмешник, убого пародировать чужие стихи, длинно и занудно. Но ему-то Евтушенко и уделил в антологии больше места, чем Рубцову..."

Николай СТАРШИНОВ

Андрей ШИРОГЛАЗОВ

ПОЭТ

Н.Рубцову

Поэт надевает пальто
и тихо уходит из дома,
где все абсолютно знакомо,
и все абсолютно не то...
Он челку сметает со лба
и сам понимает едва ли –
в какие нелепые дали
ведет его злая судьба.
Как страшно кричат поезда...
Наверное, это к поминкам.
Поэт разбивает ботинком
осколки январского льда.
Он слишком устал от тоски,
чтоб вытравить эту усталость.
И все, что поэту осталось –
пинать ледяные куски.
Заполненный рифмами мозг
колотится бешено в темя,
и медленно падает время,
как в блюдечко капает воск.
Дома исчезают во мгле.
Хрустит под ногами дорога.
Поэту осталось немного
Скитаться по этой земле...

Сергей ВАКОМИН

РУБЦОВ. 1970

Когда глухой осенней стынью
он возвращался в дом к себе,
ему казалось, что отныне
просвета нет в его судьбе;
что жизнь, хваленая вождями,
и есть та правильная жизнь:
с обманом, ложью, мелочами,
не терпящими укоризн;
что быть поэтом изначально
в стране невыдуманных грез
всегда опасно и печально,
и унижительно до слез;
что (вскормлен образом свободы)
ему не хватит сил и дней
преодолеть судьбы невзгоды,
чтобы любить еще сильнеей
отчизны милой побережья
и купол неба голубой,
и эти вешние оснежья,
и в чистом поле ветра вой...
А мгла тем временем стужалась,
манил уютom чей-то кров.
И люстра звездная качалась
под мерный стук его шагов.

Здравствуй, милый
и дорогой Борис!

Давно мне и собиравшему написать тебе, но ты знаешь, как это трудно делать сейчас. Раньше есть тут причины, и все ты знаешь. Вроне из них та, что я не люблю мне где и не могу писать по поводу уроков о своих чувствах и мысли, о настроениях и т.д. И из-за этого, мне кажется, ты мне не пишешь.

Вспомни о тебе всегда, как о драгоценном человеке и поэте.

Привет твой А. Д. и удачи.

Твои стихи особенно нравятся Злате Константиновне (его жене) и его дочери Злате.

Например, такие стихи: "... нравиться это? Нравиться ..."

Ну, вот и все. Не много это, конечно. Просто восточки.

Сердечный привет тебе.

А также огромную благодарность

Твой А. Рубцов.

Вам лично Любимородному
Ни дождю намёв

Я не был на этом
пароходе,
Ни которм в Чёрном пмливве,
Затерялся где-то я в народе
В тот момент
Ни улицах Москвы.
Но ходил на этом пароходе
Не бывал я в сухоненой глуми,
Знаю всё, и всё замечая
Вроде
Такого свет во мне
моей души.

Весь рад я слушаю гапонцу-
Менду строк товарищей своих
Человику, вели нам дорожнику,
Как живёшь,
оставить этот стих...

22/XI-69.

Оурубуев

Андрей СМОЛИН

Родился в Вологде. Много лет занимался журналистикой. В последние годы работает в литературной критике. Автор книг "Зачин", "У каждого свой путь и берег", написанных на материале стихов и прозы писателей-вологжан. Сейчас - слушатель Высших литературных курсов в Москве. В 1997 году принят в Союз писателей России.

ОН БУДЕТ ЖИТЬ В СВОЕМ НАРОДЕ!

Сейчас как бы не время полемик, перекрестных разговоров. Даже среди "наших", а не только "тех". Но надо ответить на реплику Андрея Кузнецова ("Автограф", №1). Суть ее, очевидно, помнится: что это, мол, поэты, живущие на Вологодчине (а мы добавим, что и везде в России), все "посматривают" в сторону Рубцова? Была же Цветаева или кто там еще.

Вопрос, вроде бы, наивен. Но чувствуется беспокойство задающего. Судя по всему, это одна из попыток отодвинуть Рубцова в сторону, "скинуть с корабля современности". Еще помнится задним умом мерзость Новикова. И другие, конечно, не унимаются.

Но, правда, сколько можно: все Рубцов да Рубцов?

Тезис А.Кузнецова вполне объясним. Влияние Рубцова в русской поэзии все последние десятилетия века активно, мощно, широко. Это признают все серьезные люди. Речь тут не только о стилевых традициях, а о вещах более глубоких - духовных и эстетических. Кажется, что А.Кузнецов все это понимает. Но сознательно "провоцирует" себя и читателя опровержением очевидного: Рубцов - русский классик конца XX века. Видимо, все - больше ничего не будет. (Мог бы стать Юрий Кузнецов, но чего-то важного ему не хватает). И можно выстраивать цепочку "пушкинской" традиции в русской поэзии по итогам века: Пушкин - Тютчев - Блок - Есенин - Бунин... Ну и Рубцов.

А слово "классик" пока можно взять в кавычки, чтобы сильно не дразнить особо нервных критиков, строго следящих за чистотой рядов литературных авторитетов. Нам-то и так все понятно.

Более того (почему-то об этом говорят вскользь), Рубцов - это тот Поэт, который отстоял славную традицию в совсем иных условиях, чем все его предтечи. Всякие Бурлюки, Крученых, Набоковы (Сирины), Бродские много поработали, чтобы принизить сам дух русской национальной поэзии. Отчасти им удалось это. Иначе бы не расцвел на нашей почве тот пресловутый "постмодернизм", по-прежнему для русской души - "непонятно что". Рубцов же своим творчеством вновь обратил многих к русским ценностям. И ясно, что через него к ним обратились все поэты с русской душой. И не только на Вологодчине...

Но прежде всего - здесь, на всем русском Севере вообще. Тут несколько другие проблемы. Не только духовные, но эстетические, стилевые и стилистические. Скажем так, многие языковеды признают, что есть "северный" говор, "южнорусский", "уральский", "сибирский" и т.д. Хотя все они имеют тенденцию к нивелированию. Проще понять все это на прозе. Ясно, что русский писатель Василий Белов - это по стилю и языку не "южный" Шолохов (тоже русский писатель). Или не "сибирский" Распутин (тоже писатель русский). Речь не о степени дарования, а о творческих особенностях каждого. Так и Рубцов! Его скрытое, неявное отличие даже от "среднерусского" Есенина очевидно.

У последнего - распахнутость души, буйство красок, смена психологических состояний, богатство лексики и т.д. Рубцов же скуп на внешние эмоциональные разряды, лексика у него сдержанней и проще, но в лучших своих вещах он просто более глубок, задумчив, ясен, чем "родственный" ему Есенин. У Рубцова, понятно, опыт XX века. И это сказалось на его поэзии: не до "красок" тут. Но сходятся они в другом - в Пушкине, через Пушкина, продолжая главного нашего гения. Вот почему поэты этого ряда и останутся в памяти народа, всех и многих, а не будут объектом "смакования" лишь для "высоколобов", которые признают других поэтов. Там заботы другие, известно, какие...

Ну вот. Все это коротко, конспективно. Но очевидно, что Рубцов из наших разговоров не уходит уже много лет. И уходить не собирается. Значит, влияние его на русскую поэзию будет продолжаться. "Ну и ладно, и добро."

Вологда - Москва

"ВРЕМЯ НАШЕ ОСТАНОВИЛОСЬ"

Памяти А.Яшина

О лирических поэтах принято знать все, кроме их стихов - они скорее фон, иллюстрация к собственно жизни поэта: с кем спал, много ли пил, как вел себя с властью, как любил свою родину и ее народонаселение - все это живо интересует читающую публику. Так что стихи, которым поэт отдал свою жизнь, свою душу и здоровье, в общем и целом "народу" не нужны. По разумению всех они для специалистов: критиков, поэтов, литературоведов. И когда в литературе полный порядок - поэты пописывают, критики почитывают - то такое положение дел можно считать нормальным, так всегда было. Но сегодня, вот сейчас (сейчас - это последние семь лет) ничего такого и в помине нет. Нет поэтов, нет критиков, а, значит, и нет литературного процесса. Отдельные книжки поэтов, изданные самими авторами за свой или спонсорский счет, тиражом в сто, двести экземпляров читают сами авторы, их родные, друзья и приятели и то при том условии, что автор загодя позаботился о своем читателе. Что само по себе авторское самолюбие никак не радует. Да и все ли у поэта нормально с головой, если у него столько друзей и знакомых - сколько у него книг вышло. Так что поэт сейчас сирота, даже если его стихи

в школе изучают. Нынешние двоечники стихи сдают экстерном, учат их в последний день четверти и пишут в сочинениях: Чаццкий вместо Чацкого.

*Ты теперь от меня никуда,
И никто над душой не властен,
До того устойчиво счастье,
Что любая беда - не беда.
Никаких перемен не жду,
Что бы впредь со мной ни случилось:
Будет все, как в первом году,
Как в последнем было году, -
Время наше остановилось.*

Ждали весны, а дождались осени непролазной, общей беспросветицы, а кого-то и насмерть прикончило время.

*Сбылось ли что?
Куда себя девать
От желчи сожалений и упреков?
О как мне трудно будет умирать!
И никаких нельзя
Извлечь уроков.*

И наконец:

*Под вечер березник в инее,
Вода превращается в лед.
А в полдень все синее-синее,
Сквозь крыши
И с крыш течет.
Вдруг что-то взывает, вспенится,
Как свет по земле пройдет...
А, собственно, что изменится,
Весна же не первый год.*

Есть мстительное какое-то чувство - так нам и надо! Другой поэт, этого же поколения, но другой, еще более трагической судьбы, сказал: "Я не ищу гармонии в природе. Разумной соразмерности начал Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе Я до сих пор, увы, не различал." Избываемый следователями, непризнаваемый народом и властью, он смог подняться до высшей гармонии миропорядка в своих стихах, стал последним Великим Поэтом нашего века, которому какой эпитет ни приставь, все будет недостаточно полно, и недостаточно верно, и недостаточно трагично. Не век, а волк. Александру Яшину повезло хотя бы в том, что его не мучили в ГУЛАГе. В остальном же он хлебал пойло тоталитаризма на общих основаниях, жил и не дожил до настоящей весны. Если наша весна - та весна, о которой мечталось, то она забуксовала навечно где-то в марте, да так и живем: ничего не сеем, ничего не пашем... Александр Яшин был любим и признан всеми, и из жизни ушел простым человеком, а не барином.

Александр ДУБИНИН

НАД СУМРАКОМ ЗЕМЛИ...

Есть на моей книжной полке среди других книг эта антология - "Русская поэзия XX века". Как сказано в аннотации, цель книги - познакомить читателей "с лучшими представителями отечественной поэзии от Ивана Бунина до Николая Рубцова".

Что ж, начало было многообещающее. По сравнению с антологиями, которые издавались до 1991 года, в этой несколько другие имена. Уже нет, например, Сельвинского с Уткиным. Правда, остались еще почему-то Асеев с Кирсановым. Появились в антологии поэты, которые раньше по разным причинам не печатались - Георгий Иванов, Владислав Ходасевич, Николай Гумилев, Мария Петровых... Как могли читатели жить без этих гумилевских строчек:

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города...*

Удивительный поэт, предсказавший даже смерть свою - от пули, которую отливают рабочие руки (стихотворение "Рабочий").

А вот прекрасные строки из стихотворения Федора Сологуба "Расточитель":

*И прошу я у милого бога,
Как никто никогда не просил:
- Подари мне еще хоть немного
Для земли утомительных сил...*

Надо сказать, что подборки стихов Ходасевича, Иванова составлены, на мой взгляд, не очень удачно. Но это, конечно, дело составителя - И.К.Сушилиной. Всем не угодишь, да и не надо угождать.

Я перелистываю книгу и, конечно, вспоминаю молодость. С нами в институте, в лито, в поэтическом театре были тогда многие строки Блока, Есенина, П.Васильева и других - "И цветы, и шмели, и трава, и колосья...", "Россия, нищая Россия...", "Несказанное, синее, нежное...", "Чуждый чарам черный челн..." Впрочем, Бальмонта я всегда как-то недолюбливал. Как и Валерия Брюсова, у которого, мне кажется, мало лиризма.

Конечно, сегодня что-то меняется и в моем восприятии, и во времени. И старые строки иногда звучат неожиданно:

*Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперек...*

Это пишет не сегодняшняя патриотическая газета, а Макс Волошин в 1920 году. А как современно звучат многие строки Есенина, Ахматовой, Цветаевой. Но главное, что нас всегда привлекает в поэзии, это красота - красота звучания, красота мысли и образа. Это летит с нами "над сумраком земли" и помогает жить. Даже в грустных стихах, если они настоящие, есть гармония и высота, и мы черпаем в них силы:

*Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.*

Есть в антологии 20 века имена и совсем новые - Вера Меркурьева, Сергей Бобров, Дмитрий Петровский... И наш современник Анатолий Передреев тоже не входил раньше в подобные антологии.

А вот таких авторов, как Василий Федоров, Николай Ушаков, можно бы и не включать сюда - им уже давали "попробовать", но они, похоже, "не тянут"...

Перед тем, как закрыть книгу, я перечитываю любимые строки из Тарковского, из Рубцова, удивляюсь тому, как нудно-затянуто стихотворение Твардовского "Я убит подо Ржевом..." У этого стихотворения отличное начало, многие из нас даже знают его наизусть, но дальше... И почему я прежде этого не замечал?..

Но не будем сегодня говорить о промашках поэтов. Россия очень богата талантами. И пока есть у нас большие поэты и хорошие книги, будет верна строчка поэта: "Еще не все потеряно, мой друг!"

Виктор СЕРГЕЕВ

МНЕНИЯ

"Однажды попытался сказать в Германии все, что я думаю о постмодернистах, - одна газета сразу написала: пришел новый Жданов", а другая, выходящая в Бонне, обрадовалась: "Наконец-то пришел нормальный человек, который сказал, что все, что пишут наши постмодернисты, и памятники, которые они ставят на улицах, - дерьмо, и король - голый!.."

Евг. СИДОРОВ, экс-министр культуры

ПОЛНЫЙ РЕЕСТР

славных и достолавных череповецких литераторов, в крае сем обретающихся и обретающихся, да не обидятся все оные, ибо написано сие с превеликой любовью и тщанием, хоть иногда и с улыбкою...

КОНСТАНТИН БАТЮШКОВ, один из учителей Пушкина, написавший немало чудесных стихотворений, которые в наше время кажутся иногда сложноватыми. Самые известные строки, повторенные миллион раз - "О, память сердца!.." Прозаические опыты Батюшкова - гениальны. Говорят, что Пушкин называл Радищева дураком, а вот Батюшкова Пушкин весьма хвалил. Талант Батюшкова окреп в Хантонове под Череповцом.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН сам себя называл гением, поэтому уж мы лучше промолчим на сей счет. Детство и отрочество будущий поэт провел в Череповце и уезде, а родился он в 1887 году в Петербурге. О городе на Шексне он позднее написал:

*Череповец! Пять лет я прожил
В твоём огрязненном снегу,
Где каждый лицеист острожил,
Где было пьянство и разгул...*

Боюсь, что "разгул" сюда попал для рифмы, а уж "острожил" - точно для рифмы. Не зря он как-то написал, что "душа влечется в примитив". Но мы по-прежнему ждем розовых слонов... с шурупами.

ЛЕОНИД БЕЛЯЕВ (1939-1997), поэт, автор нескольких книг, член Союза писателей России. Погиб при трагических обстоятельствах. Публиковался мало. Вероятно, по-настоящему стихи Беляева еще не прочитаны. Возможно, есть еще что-то не опубликованное... Леонид Беляев был знаком с Рубцовым, дружил с Коротавым, многие годы работал на Череповецком ТВ.

ВЯЧЕСЛАВ КОШЕЛЕВ, талантливый современный литературовед, ученый человек, автор капитальных работ о Батюшкове, Северяnine и др. Написал интересную краеведческую книгу "Вологодские давности" (издана в 1985 году), совместно с А.Черновым издал книгу А.Вельтмана "Сердце и думка". Много писал о славянофилах. Преподавал в Череповецком пединституте. К сожалению, уехал из города.

АНТОНИНА КАЮТИНА (КОСОЛАНКОВА) родилась в 1931 году в Череповецком районе. "С детства хотела стать учителем, и в 1953 году мечта осуществилась." Работала учителем русского языка и литературы в школах района и в школе №7 Череповца. Затем 25 лет преподавала в ЧГПИ. Стихи пишет с детства, немало печаталась, но первую книгу "Родники" выпустила только в 1997 году. Редактор-составитель этой книги Р.С.Минина.

Н.М.

(Продолжение следует)

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Александр РУСАНОВ «Люборусье»: Сборник стихов. – Череповец, 1997. Это первый поэтический сборник автора. Слава Богу, Русанов имеет филологическое образование, уже одно это обнадеживает. Сейчас автор работает режиссером Транс-Театра, одновременно занимается издательской деятельностью.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА». – 1998. - №1. Здесь имена громкие и разные – Юрий Кузнецов (Поликарпович), Алексей Ремизов, Инна Ростовцева, Владимир Гусев, а также профессор Иван Есаулов со статьей «Христианское основание русской литературы: соборность».

«ДОМИК НА ПЕСКЕ»: Сто стихотворений для детей. – Череповец, 1998. Стихи Л.Гуголевой, Ю.Жигулина, А.Пошехонова, Н.Кузнецова, Т.Русановой и других. Книга вышла в серии «Б-ка череповецкой поэзии».

Станислав МИШНЕВ «Последний мужик»: Рассказы. – Вологда, 1998. Автор родился в 1948 году, живет в Тарногском районе.

Надежда ШИЛОВА «Странный свой удел...»: Стихи разных лет. – Вологда, 1998. – Автор живет в Вологде, работает в библиотеке, выпустила первую свою книгу.

Иннокентий РУМЯНЦЕВ «Увядающая прелесть»: Стихи. – Вологда, 1998. Первая книжка Иннокентия Ивановича. Самиздат.

МНЕНИЯ:

"А вообще надо читать Блока, который был растоптан недавно почившим Бродским, считавшим его "ужасным поэтом"..."

Николай ГУБЕНКО, "Кн. обозрение"

"Ты придешь ко мне осенним вечером// и принесешь с собой исландскую сельдь.// Я сварю картошки, посыплю ее обжаренным луком,// и мы будем говорить о любви".

Валентина ПАХОМОВА, Барнаул

А еще у нас в гостях популярная газета

"Вологжане улыбаются"

Это спецвыпуск газеты "Маяк", редактор и вдохновитель этого веселого издания вологодский поэт **Юрий Макарович Леднев**. Ему сегодня и перо в руки! Публикуем несколько отрывков из газеты:

УСЕРДИЕ НЕ ПО РАЗУМУ

Радиостанция "Свобода" совсем свихнулась. 27 апреля в 9 ч. 45 м. Она транслировала на Россию так называемую литературоведческую передачу. Аналитик, выступавший со своими умо(?)заключениями, особо занялся блоковедением. Начал он с сифилиса, продолжил гомосексуализмом, а кончил тем, что будто бы великий поэт в своем произведении "Двенадцать" изобразил Иисуса Христа с красным знаменем(!).

Литературный аналитик
Трактат читал, брызжа слюной.
Кто был, кто не был сифилитик
И кто где спал, и с чьей женой,
И кто среди русских символистов
Из гомо был сексуалистов,
И кто шел не в венке из роз,
А кумачовый лозунг нес, -
Он обо всем поведал миру.
Но, Боже мой, при чем тут Блок?
Эй, господа, не трожьте лиру!
Ловите лучше мух иль блох.

КТО ЧЕМ ПИШЕТ

Ольга Чернолицкая из Великого Устюга выпустила цикл стихотворений под названием "Ведьмоштия"

Когда стихом наполнена душа,
Чтоб записать его, нам нужен часто
Огрызок, скажем, от карандаша

Или фломастер,
или стержень с пастой.
Бумаги нет –
другой мы фон найдем
(Мы гулливеры, а не лилипутики!)
На стенке их изобразим гвоздем,
А на песке строфу
начертим прутиком.
Сгодится для строки и уголь, и мел.
Найги бы ритм
да мысли эпохальные.
Наш предок, говорят, вполне умел
Творить в пещерах надписи
наскальные.
Где приходилось Пушкину - пером,
Вам просто можно
левой ножкой голенькой.
Но чтоб стихи царапать помелом?
Уж это очень даже слишком,
Оленька!

НЕ ЗАМОЛИТЬ!

Василий Лукичев из Череповца образовал юмористов книгой стихов "Господи, прости!"

Господь всемилолив, мой друг.
И стоит Вам придти на исповедь,
Вам исцелит любой недуг
Всевышний,
вишь молитесь истово.
Но Ваши прочитав стихи,
Подумал я мозгою грешною:
"Замаливать сии грехи,
Ей-Богу, дело безуспешное!"

Юрий ЛЕДНЕВ

Мы публикуем стихи двух талантливых прозаиков, безвременно ушедших из жизни – Михаила Жаравина (1959-1995) и Владимира Борисова (1955-1992). Так получилось, что в начале этого года у них почти одновременно вышли большие книги. У Борисова – «Трещина» (на титуле указан год подготовки книги – 96-ой), у Жаравина – «Сердечная рана». Поэт стремится к гармонии, а прозаик, когда пишет стихи, хочет прежде всего выговориться, не замечая, что иногда голыми руками трогает провода...

Михаил ЖАРАВИН

Когда мне было очень тяжело,
К столу садился, открывал тетрадку
И изложить пытался по порядку
Все то,
что мне так больно душу жгло.
Не пил, не плакал --
что мне хмель несносный,
Не принесет он в душу чистоту,
И не заполнит в сердце пустоту,
В нем вымажешься,
как в грязи навозной.
Недосыпал частенько по ночам,
И голова была полна стихами,
Их про себя нашептывал губами...
Ну, а писалось с горем пополам.
Но все-таки потом, читая их,
Себе казался я чуть-чуть сильнее,
Смотрел на жизнь и проще
и мудрее,
Опять жалел о днях своих пустых...

Постель моя – вонюче-злое ложе,
Как будто спали демоны на нем,
Тряслись, свивались ночью,
даже днем.
Как это надоело! Правый Боже,
Лиши меня моих нечистых чувств,
Чтоб был я пуст,
как выпитая рюмка.
Сжимаю зубы,
слышу страшный хруст.
Багаж побед – истасканная сумка.
Я с нею вместе сердце потерял.
...Я слишком слепо чувствам
доверял.

И снова ложь плевком летит в лицо.
Жую ее и не сопротивляюсь.
Не на руку бы мне, а в нос кольцо,
Раз ложью, как травую я питаюсь...

Владимир БОРИСОВ

Все-то в жизни моей не так,
И живу я в великой муке.
Может быть, я вообще дурак,
Или жизнь наша просто сука.
Чтобы мир этот странный понять,
Нужно в жизни не раз поплакать.
Чтоб добрее и чище стать,
Нужно душу позволить лапать.
Чтобы ближних любовь заслужить,
нужно черствости их не видеть.
Чтоб сегодня на свете жить,
Нужно очень людей ненавидеть.

Ты приходишь, когда умираю,
Когда я ничего не хочу.
И бреду я по самому краю
И о помощи не кричу.
Бесполезно кричать, не услышат.
Бесполезно просить, не дадут,
Коль в затылок мне
завистью дышат
И за пазухой нож берегут.
Люди милые, что же случилось?
Я вообще ничего не пойму.
Сердце билось и остановилось,
И не жалко его никому.

МНЕНИЯ

"Наши поэтические учителя - Пушкин, Лермонтов, Блок, Есенин, Рубцов... Из ныне живущих - Александр Романов. Его "Избранное" (именно эту книгу) я бы советовал прочесть каждому вологжанину, чтобы понять, какие творческие силы может дать человеку родная земля, когда ее по-настоящему любишь..."

Юрий МАКСИН, из интервью

Владимир СМИРНОВ

Отрывок из пьесы для чтения

"ОСОБЫЕ ТЕХНОЛОГИИ"

Фрагмент выступления профессора Суровина перед студентами-первокурсниками театральной академии.

Суровин: ...Смешно и бессмысленно призывать вас к дисциплине и послушанию, к самоотдаче и исполнительности. Обычно на такие призывы студенты обращают мало внимания. Да и не только студенты, любому человеку уже, так сказать, обрыдли лозунги типа "Да здравствует Дашь!" На подобные воззвания люди обращают внимания не более, чем на какофоническую музыку, жужжание мухи или треск механической молотилки. Хотя тема-то эта, о которой я хочу сказать, очень существенна, важна, и от нее просто так, как от жужжащей возле вас мухи, не отмахнешься.

Сегодня в своей приветственной речи в актовом зале директор нашей академии упомянул эпоху застоя, определил ее кратко и точно, как "время врать и воровать". Весьма емкое определение. Он забыл только отметить, что эпоха-то эта еще далеко не закончилась, все еще продолжается и, главным образом, не там - за кремлевскими стенами, не в органах власти, а в душах самих людей. И беда даже не в том, что люди врут друг другу и воруют друг у друга, а в том, что каждый врет самому себе и ворует у самого себя. Причина такого духовного застоя, духовного болота, духовной черствости, духовной ржавчины ясна. Надо, чтоб человек чувствовал себя не слугой, не холопом, не лакеем, а хозяином, имел чувство собственного достоинства, был гордым. Гордый хозяин воровать не будет, врать не будет, а работать - на самого себя, а не на дядю, конечно же - будет с полной самоотдачей. И получать при этом большое моральное удовлетворение. Но есть ведь и такие субъекты, которые именно в рабском состоянии находят некое своеобразное наслаждение. Ведь как хорошо жить на всем готовом! Обут, одет, накормлен... А работа - не медведь, в лес не уйдет. Она, работа, только дураков любит. А хозяину можно наврать, что заболел. А можно просто сделать вид, что работаешь, "слепить туфту", "проехать на халыву", "склепать халтуру", "развести болягу". А если плохо кормят (а раба всегда плохо кормят, он всегда голоден, всегда жаден), то выклянчить лишний кусок пирога, а то и просто украсть. Вот пси-

хология раба. Унижение паче гордости. Есть у нас такое на Руси? Сплошь и рядом.

И не стоит полагать, что хозяин, настоящий хозяин своей души, человек истинно свободный - это только тот, кто богат, имеет огромную квартиру, трехэтажную дачу, золотые цепи, "Кадиллак", яхту, вертолет, ресторан, казино... Что там у них еще? Этот набор можно продолжать до бесконечности, все увеличивая и увеличивая масштабы. Думаете, эти нувориши - "новые русские", скороспелые богатеи, толстосумы, они - хозяева? Своей души? Своей жизни? Да все те же самые рабы, рабы самих себя. Холоп - ворует и врет. А эти более ничего другого делать и не умеют. Они только думают, что независимы, врут самим себе об этом, ведь душонка-то у них осталась все та же. И та масса анекдотов о "новых русских" - как раз про это: как раб, холоп вообразил себя хозяином.

Теперь отвернемся от наших баранов, поговорим о собственных делах. Я надеюсь, сильно надеюсь, что все вы - очнь честолюбивые люди. Что? Вас это удивляет? Обычно принято думать, что честолюбие - качество зазорное, постыдное. Вот вы и стыдитесь, и комплексуете, зажимаете свою душу, словом, поступаете по-холопски. Честолюбие, в отличие от тщеславия, то есть пустого, тщетного желания славы, - неотъемлемое качество для актера. Без него он ничто, нуль. Плох солдат, не мечтающий стать генералом, но актер, не мечтающий достичь самых высочайших вершин в своем искусстве - это даже не плохой актер, это вообще ничто, пустое место. В нашем деле, наоборот, стыдно не иметь честолюбия, позорно быть тем, кто этак пренебрежительно машет ручкой: да что там, мы не Михайлы Чеховы и даже не Петренки, или мы не Ермоловы и даже не Бабановы, мы уж так как-нибудь отчебучим кое-как, тям-ляп - и корабль.

Халтурщики! Духовные холопы! Если вы привлеклись внешним, фальшивым, мишурным блеском, если вы мечтаете не о творческой радости, которую приносит хорошая актерская игра, как вас самих, так и ваших партнеров, а вам нравятся лишь восторги публики, цветы, хвалебные рецензии, поклонники, вся эта пустая популярность и, кроме этого, больше ничего, значит, вы просто тщеславны, и вам здесь делать нечего. Духовных лентяев академия не любит и избавляется от них самым решительным образом! Предупреждаю сразу, халтурщиков мы будем строго выявлять и исключать без колебаний. Беспощадно! Тем самым мы только доброе дело для них сделаем, так как эти люди - не для театра! В театре они погибнут, будут все ниже и ниже нравственно опускаться.

Слуги своего тщеславия, рабы, холопы, лакеи, холуи и в жизни-то противны, а в театре - особенно отвратительны. Именно в театрах я

видел настоящее, образцовое, классическое холопство. Вот куда нужно направить свои стопы психологам и социологам. Только в театре они увидят яркий, откровенный тип раба-холоуя, всамделишного, бесстыжего холопа-шута, который в обычной жизни, пообтесанный цивилизацией, не так приметен. Театр - самая благоприятная Среда, самый подходящий питательный бульон, где можно вывести суперхолопа в максимальном его проявлении. Наглого, вороватого, морально и физически нечистоплотного, погрязшего в бесстыдстве, пьянстве, блуде и в прочих нечистотах.

Поверьте, таких моральных калек я повидал на театрах за свою жизнь в чудовищных количествах! Вот из-за таких-то нравственных уродов среди публики, вообще среди людей, посторонних театру, по крайней мере, среди некоторых из них и бытует стойкое мнение, что театр - место в нравственном отношении грязное, что это такая духовная помойка. Зрители восхищаются игрой актеров, но презирают их самих. И чтоб развеять такое неверное мнение, необходимо беспощадно избавляться от этих трупней, паразитов, гнойных прыщей на теле театра, которые только вводят в заблуждение публику, позорят своей халтурной игрой и поведением высокое звание артиста.

Театр - лишь для людей сильных духом, которые служат искусству, как Богу, подобно ревностным монахам-фанатикам. Театр - либо храм, либо бордель, одно из двух, третьего не дано! Самое трудное, но необходимое качество настоящего артиста - умение сохранить свою гордость, внутреннюю свободу, быть хозяином своего дела. Это - искреннее творчество, служение искусству, честная, серьезная, а потому - нелегкая и упорная работа, это аскетический, почти монашеский образ жизни...

Вот о чем я сразу же, с первого дня хотел сказать вам. У вас есть способности, талант, технике, при нормальном здоровом теле, научиться будет не так уж и трудно. Сложнее всего сохранить себя, как личность, как Артиста с большой буквы. Создать у зрителей не только не только восхищение перед вашим талантом, но и уважение к вашей профессии. И сделать это можно лишь искренней, честной, самоотверженной работой. Оставайтесь честлюбивыми. Честь превыше всего!

Надеюсь, что хоть что-нибудь из мною сказанного до вас дошло. А может, я и зря все это говорил, и мои слова были для вас не более, чем шум механической молотилки. Сейчас я вас покину, и первые практические занятия с вами проведет Григорий Гаврилович. Всего хорошего! (Уходит.)

ДМИТРИЙ КАПУСТИН

Череповецкий художник-график Дмитрий Николаевич Капустин 12 августа 1998 года отмечает свое 70-летие. Он родился в Череповце. После окончания средней школы учился в Ленинграде, а было это сразу после войны... Потом потянуло к себе искусство. Дмитрий Капустин закончил художественное училище в Ярославле, давшее России немало хороших художников. Много путешествовал по стране, долгие годы работал преподавателем в художественной школе. Участник многих выставок, в том числе городских, областных, зональных и одной персональной в Болгарии. Несколько гравюр Д.Н.Капустина хранятся в фондах Исторического музея в Петербурге.

Живет художник в Череповце. Он по-прежнему полон сил и замыслов. Готовит персональную выставку, где будут, вероятно, и его экслибрисы. Да еще пишет стихи.

Сегодня мы показываем две гравюры художника и стихотворение.

Череповец Леушинское подворье 20 годов

СОН, ВСЁ - СОН.

И Жизнь, и Смерть
Лишь только Сон.
Жизнь - Сон короткий.
Смерть - сон вечный.
Уходят в Океан Времени
Трубы, как черные подлодки.

А что такое - человек?
Что знаешь все его
Декреты?

Когда в один
главнейший век,
Он кровью залил
пол-планеты!

И Жизнь, и Смерть
Лишь только Сон.
Жизнь - Сон короткий.
Смерть - Сон вечный.
Природой созданной
ЗАКОН
Наверху,
Самый Человечный.

Д. Незнамов (К)
апрель 1982.

Приложение

ЭКСЛИБРИСЫ

ВОЛОГОДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, ХУДОЖНИКОВ И БИБЛИОФИЛОВ

Авторы экслибрисов –
А.Кузнецов, Д.Капустин, Е.Мартышев, Р.Копылов, Д.Медведев,
С.Дмитриевский

АВТОГРАФ
Поэтический журнал

Издатели:
Вячеслав Белков, писатель
Юрий Малоземов, библиофил

Сдано в набор 20.05.98. Подписано в печать 20.06.98.

